

Елена Збаражская

ВНЕ

время кануло в облачный дрейф...

Елена Збаражская

**Вне. Время кануло в
облачный дрейф...**

«Издательские решения»

Збаражская Е.

Вне. Время кануло в облачный дрейф... / Е. Збаражская —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-902094-9

В данный сборник помещены произведения, которые несут в себе разный эмоциональный настрой, цветовую гамму, философию и огромное количество любви.

ISBN 978-5-44-902094-9

© Збаражская Е.
© Издательские решения

Содержание

«Закреть бы городу глаза...»	6
Хмель	7
Полынь	8
Вне	9
я Зима	10
Оторопь	11
Русалочье	12
Островное	13
Осень-бродяжница	14
Простужаюсь	15
прозрачный	16
зелёный	17
жёлтый	18
синий	19
белый	20
чёрный	21
Небо мажется	22
Под фантом	23
Без йода	24
Мёртвое солнце	25
Платья пудровые	26
Больное спасибо	27
Ты навсегда	28
Ветер сменится	29
Облачное	30
«Я вдали от страхов, дальше, чем возможно...»	31
Нас нет	32
Нерисовальное	33
Ничья	34
Ощущения	35
Не тебя	36
рай	37
С тобою быть мне мало века	38
Позволь	39
Пустота	40
«В тебе есть всё ...»	41
наВылет	42
«Пьянея днями черёмуховой пыли...»	43
Не умирая быстротечно	44
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Вне Время кануло в облачный дрейф...

Елена Збаражская

© Елена Збаражская, 2018

ISBN 978-5-4490-2094-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Закреть бы городу глаза...»

Закреть бы городу глаза
с излишней дозой пустоты,
изъять из времени песок,
в котором дни болеют снами,
где тени бьются в потолок,
и в лихорадке бредят дали,
необнажённое дрожит
под спящим солнцем,
или пьяным,
где облака, касаясь крыш,
перерождаются
в туманы.

Закреть бы городу глаза —
не позволять
смотреться в окна,
чья стёкла чувствуют закат
под тихий шелест
звёзд морозных,
и танцевать
в бессонных стенах
под песни ангелов
простывших,
творивших море
в чайной кружке,
в которой
утопают мысли,
где в тишине
не слышен отзвук
от хруста
прогоревшей спички.

Закреть бы
городу
глаза,
которому
ты был
не нужен...

Хмель

Беги отсюда, и вернись.
Колени жгу о землю,
не ведая зачем.
«Голландец» тоже уходил,
а с ветром возвращался.

Я не успела предвкусить
с тобой хмельного эля.
Дай мне возможность
приходить
среди недели пьяной,
и нежностью побыть,
чтобы тонуть
в твоём похмелье —
оно с улыбкою кутит,
и страстно шепчется
«хочу»,
а руки тело обнимают.

Намного слаще утонуть
в тебе
хмельном,
любимом,
чем
быть
в пустых,
холодных
дремлющих
объятых.

Мой хмель —
твои шептания.

Бросаю
завтра
я дышать с тобой,
и умираю медленно
с похмелья...

Полынь

Пропах полынью дом твой тихий
в часы луны ущербной, властной,
где твёрдость слов, когда-то милых,
толчёным льдом валилась навзничь,
и каждоношно – вдох, как выдох,
питался горечью помятой
сухих бутонов эстрагона —
так одинокость уст дрожала.

Стучали аквилоны в спину,
босые ноги мчались к водам,
и чёрный карлик¹ в жёлтых точках
слепил глаза своим приходом.
Целуя дно ручья живого,
слезами воду отравляя,
смывала слой полынной тиши —
застывших дней, где света мало...

...твоя полынь – моя отрава...

¹ чёрный карлик – короткая ночь

Вне

Ты был нужен вчера —
не сейчас,
пока лунное сердце светило
в лупоглазые окна домов,
пока небо держалось для гроз,
не упало на нас,
не разбилось.
Время кануло в облачный дрейф,
под навес умирающих звёзд,
в какофонию шёпота птиц,
на примятые травы...

...я здесь...

топчу серое небное море,
и не надо руки тянуть.
Спокойно.
И бумажные ангелы есть.
Не сгорают они,
как плесень —
жизни больше в них,
чем
в тебе.

Ты был нужен вчера,
а сегодня —
навсегда —
хочу
плыть с туманами
проседью,
и следы
отпечатывать
вне...

я Зима

Нет меня в тишине,
не видна.
Я под слоем пергаментной стружки,
и вовнутрь унылые ангелы
возвращаются,
словно с прогулки.
Есть вчерашние дни под надгробьем,
сверху вмятины две —
от следов,
и засохшие листья от прошлого
обдуваются розой ветров.
В пустоте обескровлены стены,
тени сущностей что-то бормочут:
я для них, как предмет
совершенный,
едкий ком среди масс одиночек.
Сон в проветренных мыслях,
сугробы,
и предчувствие долгих молчаний.
Я зима.
И уставшая вьюга.
Рассыпаюсь в себе снегом мрачным...

Русалочье

В твоей глубине вижу страхи земли, нетронутой пустоты,
молчанья безмерного,
дряблость луны, упавшей в тебя, чтобы плакать о том, что прошло
и чему не бывать,
пока небо тянет – лучами – постоянное солнце в твоё тёмное
скучное море,
но его свет бессилён в обители одиночества.
Глаза бы закрыть, да вода не даёт – ледяное дыхание подводных
течений —
из мыслей твоих и касания волн – по ткани моего живого белого
платья.
Давно отражаюсь в боках рыбьих тел, касаясь руками водоворотов
владений твоих,
теперь вместо ног у меня – плавник, так легче тебя проплывать
всего...
Вкушаю тебя с камнями подводными, скалою сложившимися,
на соль пробую,
отдаюсь желаниям бессмысленным, кружусь в тебе, плаваю, как
воск при огне,
моё море —
безропотное, тихое, поддающееся, нежное, дрожащее...
Люблю,
пою теперь —
для тебя и в тебе —
русалочьи песни
кричащие...

Островное

Не ступай
на мой остров безмолвия,
не смотри
на пустыни мои —
здесь давно
не жемчужные россыпи,
в утончённости
нет красоты.
Здесь лишь страх
мне царапает веки
и сонливые ветры поют,
берега
в безразличных оттенках,
вместо солнца —
чернеющий спрут.
Души мёртвых надежд
здесь, как дети,
на деревьях рисуют
мечты,
и темнеют мазки
в сухом древе,
осыпаясь графитом
в пески.

Я давно в этом острове —
сердце.
Не ступай,
не ходи
по нему...
Мне ещё
не устало
сниться,
как я
остров
тебе
отдаю...

Осень-бродяжница

Осень-сомнамбула шепчет пророчества и по ошибке падает с крыш – не разбиваясь на мелкие клочья, а рассыпаясь на грязную ночь – на тротуар, неисхоженный нами, на одеяла галльских цветов, на переулки с оставшимся прошлым, на перепонки, что глохнут без слов. Я пропускаю параграфы будней: всё, что внутри, не дрожит под дождём. Осень в припадке отглаженной жизни, мы в этой сырости – памяти ход. Пальцы сгибаются с хрипом усталости, и равнозначны дыханию дня.

Осень-бродяжница с пятнами лунными мне возвращает мечты, но с тобой...

прозрачный

Молчаливые слёзы —
росы ночные,
омывают бока
кристального сердца,
как воды морей
острова обнимают,
как ветер влюблённый
свой дом оставляет,
в котором мутнеет
ненужный хрусталь,
жизнь серость смакует
за окнами дня,
звонит пустота
с приходом дождей...

Стеклянная бабочка
крылья теряет
под лампой,
в которой
давно
нет
огней...

Зелёный

За маленькой ширмой —
с цветочным узором —
душа раздевалась,
снимая трилистник,
и магия листьев
окрасилась в «чёрный» —
треф – козырь сложился
для козней нечистых.

Рассветы свернулись
в змеиные кольца,
драконьим огнём
засверкал горизонт,
на сердце тоска
и «квак» жабы влюблённой,
а взгляд изумрудный
порос мягким мхом.

Душа из-за ширмы
не вышла нагой...

ЖЁЛТЫЙ

Вот, если бы сердце
вернуть мне с морей,
несклёванным
жирными чайками,
возможно бы,
вставила между костей,
скрутила бы
временно – с гайками,
чтоб снова немного
учиться любить
и чувствовать
землю привычную,
вдыхать кислород
с дальтоном частиц
и пиццу жевать
с оливками,
стоять без одежд
под тотальным дождём,
пока в коньяке
тонет солнце,
да, море
исчезло,
песок, как
сырец,
и чайки
давно
уже
сдохли.

СИНИЙ

Пристально смотришь на меня, как-будто что-то хочешь сказать, но молчишь. От твоего взгляда проваливаюсь внутрь невидимой ямы – перестаёт существовать действительность, не чувствуются запахи, только ощущается вкус железа во рту. Васильковый цвет твоих глаз играет оттенками притяжения. Хочется отвести взгляд от них – из-за страха показаться нескромной. А в мыслях: «всю и вся к чёрту!», чтобы это утопия не останавливалась. Смелая глупость...

В твоих «ямах» тонуть, а не тлеть,
Забывать своё имя с рождения.
Быстротечное «холодеть»
Наступало, как утро осеннее.
Твоя сущность, как синий кит,
Бороздящий простор океанов,
Волокущий наш тесный мир
На спине, исцарапанной жаждой.

И предчувствие гибели зрело
(Быть раздавленной лапой морей),
Когда кит от усталости скинет
Свою ношу напалмом страстей —
Он качнёт плавником свои воды,
Отворяя врата предо мной —
Гул цунами стеною накроет
И к ногам падёт бездна нагой.

И, в иссиня-чернеющих далях —
По равнинам глубинного дна,
Настоящее канет в былое —
В однотонный лавандовый рай.

белый

невинность
нарядилась
воздушные шелка
во взгляде штиль
и космос безграничный
ромашковых полей
арктической весны
присутствие
защиты
простота

причинность
наслаждалась
закрасились уста
невероятно белый
волнисто-мотыльковый
питерских ночей
и набережных чаек
присутствие
бессилия
молчание

пустотность
побелела
обрисовались дуги
во взгляде моль
и гоблин равнодушный
и снег
и дождь
и стены
сумрак
блеклый

с души
упала
белая
руда

чёрный

Крестообразно
руки сложены,
глаза закрыты,
сглажены
морщины жизни
на каменном лице,
и невозможно
сумрак озарить
теперь
в кудрявых буквах лирики
возможной...
Свершил побег он —
к чёрной леди,
она от счастья
потирает кости,
сняв капюшон,
оскалив зубы,
собою умиляясь,
что смогла
плоть обессмертить,
вынуть душу,
закрасить
в «чёрный» небеса
для тех,
кому был нужен он...
И новый дом
вне зоны
всех рассветов,
где тьма – как ложе
взбито
странной вечностью —
и чёрный,
чёрный цвет
при ней.
И он готов
быть
с нею...

Небо мажется

Безобразно солнце собой, когда ленится утром вставать. Или небо его стесняется, сговорившись с серыми массами – они осенью часто властвуют. А потом диалог на язычном. Рассуждения – кто более важен. А в случайном моменте ругательств, может кто-то из них напакостить, распуская по воздуху щупальца – и с чернильницы падают капли на полосканное внизу чудище, и немного ветром обласканное. И кукожится зверь под искрами, прячет тело своё под пледом. Только дождь в ноябре слишком искренний – не сползает уже молитвами, а бьёт льдом, да кристально правильным, и вопит, как болячка вырезанная – «ты моё навсегда, чудище, я твоё постоянное жительство»...

Солнце спит, пока небо мажется...

Под фантом

Неугомонные чувствительные сны, когда в них не прощаются
обиды,
а в шорох новостей ненужных истин
стучатся вновь
заплаканные дни.
В бокале виден горизонт без солнца, в бургундский цвет
окрашены мечты,
в углах холодных комнат нету бога, и сердце изнывает от тоски.

Бежать из тьмы во тьму, скрывая страхи,
нелепо так же, как рыдать без слёз.
Изнеженные чувства
умирали,
закрашивая суриком порок.

Пропахли горечью
ослепшие желанья,
и время спуталось
с кривою бытия,
доверье враг искусственному счастью,
когда любовь
под фантом
из стекла...

Без йода

Исцеловано небо до крови,
туго стянут день ворохом чувств,
и взбиваются пятками ночи
в неудобную плюш-простыню.
Захотелось запить кофе йодом
и в октябрь войти без потерь,
но жеманистый ворон под боком
чистит перья для свежих идей.
Веселись!
Ты не мой, Падший Рядом,
для тебя начала плесть венки...
Я не знаю молитв, чтобы разум
был сильнее, чем разум любви...

Разотри локти вяжущим словом,
можешь сжечь даже солнце вчера...
Ты простой, я заманчиво сложная.
Закрывай территорию сна...

Лучше сразу, и лучше – молча...
Пью я кофе, без йода пока...

Мёртвое солнце

В твоих глазах простыло лето,
и дюйм за дюймом – уныло и протяжно —
сентябрь, в одежды мрачные одетый,
стирает краски прошлого, рвёт связки.
И остаётся часть планеты,
лишь место одно живо – Рай Бессилья,
звучат в нём колыбельные, как вечность,
что собирает крохи «середины»,
где пятится пространство до предела
варёным раком, тыча в безысходность.
И начинают ночи обниматься
с луною многоликой, безупречной —
она рябит на белых стенах комнат,
бросая свет на скомканные крылья,
изнанке пустоты щекочет нервы,
чьи внутренности чтят её студёность.

В твоих глазах простыло наше лето...
Слепы рассветы с мёртвым солнцем...

Платья пудровые

Вчера осень издёргалась, нервничая, нерадиво расплакалась, хлипая.

Стало трудно её выслушивать, голос сердца осип, не выдержал.
Чем теперь его горло вылечить – до певучести, до протяжности,
До прозрачности звука выполоскать, отпустить недуг с ветром
бродяжничать?

А у снадобья сроки исчерпаны – охрой дней, как ядом, пропитано.
Не смотри на меня, Осень, унылостью, дай прожить мне с тобой
без слабостей.

Моя радость давно уж оплакана, следы счастья в прошлом
повытерлись.

Будь премудрой, влюблённой, отчаянной, балуй солнцем – светом
маисовым.

Ты опять не одна со мной маешься – я с тобой в твоих колких
объятиях,

Если вновь не прощаешь, то смилуйся, не лукавь неизбежности
сладостно.

Закружи меня в танце, рыжая, в опьяняющем ликовании,
Мы с тобой в дни пурпурные вырядимся в плаття пудровые,
струящиеся...

Больное спасибо

...Я знаю, что будет,
когда ты исчезнешь —
дожди не просохнут,
в углах ляжет плесень,
уснут мысли солнца,
дни склонятся к ночи,
сны зверем завоют,
покажется проседь.
...Оставишь усталость,
под дых ткнёшь тоскою,
умрёт твоя жалость
под дверью чужою.
А я распушу
по периметру неба
свободные крылья
эфирного цвета,
ведь ты говорил,
что я ветра сильнее,
пока пеленались
мы в синих рассветах.
...И пусть не увидишь,
как я догораю,
больное «спасибо»
отдам птицам рая.
Когда ты исчезнешь,
я окна закрою
в том доме, где ты
не проснёшься со мною.

Ты навсегда

Август нефритовый
Валится в осень,
Тянет меня
За собой в свой гамак.
Скорбно давно
Мной оплакано солнце.
Рыжей тропой
Покидаю твой рай.
Ты обитаешь
В тюльпановых вёснах,
В стылых закатах
И в талых снегах.
Ты меня жди,
Я вернусь к тебе снова
В час, когда здесь
Оживёт вешний сад.
Вновь подставляю
Лицо ветрам буйным
И растворяюсь
В спонтанности дней.
Мир только полнится
Голью беспутной —
Ты навсегда
Остаёшься в весне.

Ветер сменится

Сердце съёжилось мокрым августом, грусть пульсирует в ритме блюзовом – пресыщение одиночеством. Мою боль в бинты ангел кутает...

И не вяжется город пасмурный с кодом снов твоих странных бережно. Пролистать хочу тебя заново, и прошить семь раз нитью вечности...

Но взглянуть тебе в душу нежностью – недостаточно миль пути Млечного. Тебя нет в наступающей осени – жду другой, когда ветер сменится...

Облачное

Исчезла за спиной
Радость продолговатая.
Щурится нагло
Печаль постылая.

Успокоить в себе
Верность горькую
Спрятать страсть
Со свирепой пылкостью.
И смотреться в мир,
Сжатый до мрачности,
И не видеть в нём
Лживой нежности.
Растворить себя
В адском времени,
А потом возродиться
Ливнями.
И залить сплин
«к чёртовой матери»,
Выжать телом
Свои откровенности,
Стать обычным
Облаком – ветреным,
Безмятежным... и
Исчезающим.

«Я вдали от страхов, дальше, чем возможно...»

Я вдали от страхов, дальше, чем возможно.
Угнетало небо стылой синевой.
Мир твой многосложный не помечен богом —
вывязан из нитей жутких пауков.
Я в нём раскрошилась на степную пудру,
украшая воздух свежим серебром,
наготу прикрыла свежестью морозной
от своих соблазнов и лилейных слов.
Выжжена годами ежедневной фальши,
одеял свинцовых ты просил в ответ.
Я не стала плакать. Улетела с ветром,
и теперь не пахну свежим имбирём.
Но тревожны мысли. А следы затёрты.
И свирель-сиринги не звучит в душе.
Засушила листья ядовитых лилий.
Их бросаю в тени – в память о тебе.

Нас нет

Как жаль, что этот город умер.
Пастель из вялых мотыльков.
Ленивый свет слоновой кости
По стенам, крадучись, ползёт.
Тоской пропахли вены Рая
В подвалах чуткой пустоты,
Лишь отпечатки Вашей жизни
На пальцах бархатных теплы.
Разбит флакон аква-тофана
Над центром тонких нежных чувств,
Наш город умер – Нас не стало,
Дрожит свирель в руках у муз.

Нерисовальное

Не рисует сны ангел
Те, что съедены молью
В сундуках огрубевшей души.
Четверть жизни сгорела
За попытку вернуться,
Чтобы вновь погибать не во сне.
Пляска дьявольских стрелок
На часах говорящих
Шепчет горькое слово «забудь»,
А другие часы бубнят имя и дату,
Город, улицу, дом. И июль.

География снов,
Как постскриптум из вязи —
Арабески твоей немоты,
Май вишнёвых садов
Уложился в гербарий,
Тот, в котором мы были важны.
И хромой тощий кат отрывает минуты
От наполненных чудом сердец,
И бросает под дверь,
Память болью волнуя,
Чтобы ангелам сны не смотреть.

Ничья

Дни упали давно в обнажённые летние ночи,
Сны брезгливо жуют одиночества жёсткие иглы,
Отстрелялась мечта в переулках теней бестолковых
И остыл сладкий чай из пропаренных кукольных мыслей.

Я сегодня – ничья. Я – тобою испитое море,
И тобою вчера заштрихованный яркий фрагмент,
Но тоска-нагарА набирает свой ритм рефлекторно
И надежды клюют – до икоты – простой абсорбент.

Позволяю тебе быть в моей гладко-вышитой памяти,
Разрешаю звучать твоим песням безнотных аккордов,
И хочу замереть, как на снимке – счастливой, нарядной,
Чтобы вдоволь дышать самым важным истоптанных тропок.

Ощущения

Я живое твоё ощущение —
тебе кажется – ты не спишь...

Не болея твоим отчуждением,
вспоминаю твой сброшенный крик
изнутри засекреченных комнат,
где небойкое сердце стучит
и швыряет лихие проклятья
на уставшие плечи мои.

Ты моё неживое больное,
мне не кажется – я не сплю...

Не владею своим вдохновением,
рассыпаюсь в мирах – вновь крошусь,
тороплюсь на единственный танец
звездочёта – он верит в мечту,
в ней моё сокровенное плачет
и вдыхает соль ветра в бреду.

Ты со мной, я с тобой – ощущения,
нам не кажется – нам снятся сны —
я в твоих – постоянство ранимое,
ты в моих – недочитанный стих...

Не тебя

Привыкаю любить не тебя на полвека быстрее, чем время,
а в ладонях остатки тепла и красуется линия сердца.
Да, теперь не умею летать, а шершавые крылья бьются
и за мной не плывут облака, только луны ночами смеются.

Я, как дерево голое, стылое – жизнью замершей средь поля,
только изредка добрые нищие собирают цветы у подножия.
Я себя отучаю не помнить под мостами бегущие воды,
чтоб единожды не обмануться – не шагнуть, куда дважды
не входят.

Я учусь не любить тебя снова, только книги такому не учат
и врезаются в мысли три слова, от которых лишь дьявола мутит...

рай

Сто один день назад, и ещё триста дней
наш с тобой променад рисовал параллель
между сетью дорог монорельсов чужих,
миллион облаков и дождей молодых.

А потом аромат узких улиц прованса,
беглый взгляд на людей и лавандовый рай...

Антреприза огней между нами и в нас,
и без цифр подсчёта лазурь в простынях,
и кофейное утро побеждает рассвет
в поцелуях уютных, в тех которых
...нас нет...

С тобою быть мне мало века

Мне мало быть с тобою век,
Нырять во снах в твою стихию,
Считать страницы январей
И складывать июль в корзины,
Глаза купать в рассветах стылых,
Чертить на небе знаки-смыслы,
Бродить в плену туманов зыбких
И пить любовь из чаши жизни.
Ловить ветра с их пестротой,
Дрожать под ливнями, от плача,
Сходить с ума, целуя в темя
Безоговорочное счастье,
Дышать во времени свободно,
Которое цвета меняет,
И быть согретою теплотою
От слов твоих, что слух ласкают.
Летать без крыльев во Вселенной,
Бросая тень игривых линий,
Смеяться чисто, петь в мажоре,
Быть лёгкой, радужной, лучистой...

Мне много мира, где не спишь ты,
Не дышишь тихо, не мечтаешь,
С тобою быть – мне мало века,
Пусть даже ты не замечаешь...

Позволь

Позволь мне думать о тебе, пока со мною шепчут будни,
пока в чужих объятьях цепких не засыпаю пополудни,
позволь любить, скучать и грезить, врезаясь в лето, посекундно,
пока я с богом не ругаюсь за непопытку – рук коснуться ... твоих,
и чувствовать свободу в желаньи – быть твоей любимой,
пусть не надолго, а на время узнать, что значит быть
счастливой...

Пустота

...Обоюдно —
ты во мне, я с тобой —
амплитудный режим постоянства летающей пыли,
скудность запахов жизни, и всё тот же духов аромат от «Лакост»...
...Отболело
и внутри, и снаружи —
нечувствительный вдох новоявленных танцев теней,
их мелькание в играх при свете, и всё та же гиена от мыслей
чужих...
...Потемнело
и вблизи, и вдали —
камуфляжный фиксаж окружающих зданий и улиц,
и моя пустота – буксировка души, где всё те же надежды сжигает
химера...

«В тебе есть всё ...»

В тебе есть всё —
мелодия небес и блики света,
что тоньше нитей паутины,
громче ливня,
прозрачная и хрупкая весна,
единственность планиды,
в ладонь упавшая ко мне.
В тебе все краски мира,
аромат полей,
ромашковая нежность,
фиалковый рассвет,
гранатовый закат и шелест рек,
которые текут, усталости не зная,
лазурность моря, мерцающем на солнце.
В тебе есть всё —
полёт стрекоз,
вулкан души, огнями счастья полный,
лёгкий ветер,
гоняющий воздушных змей...

Пусть это всегда будет в тебе!
Во взгляде пусть останется покой
и яркость жизни.
Я буду вечность наслаждаться волшебством
и отражаться —
твоей послушной тенью-оберегом.

Как страшно без тебя существовать!

наВылет

Я впустила тебя в одиночество, что засело в зашитых карманах,
Где в частотах песочного времени гнили чувства, оставшись
на завтра.

Рассеклись друг об друга мгновенно и не важно, что падали
навзничь —
Я ловила нас «фениксом-птицей», чтобы вновь мне в тебе
повторяться.

А потом я молчаньем давилась, пока плавилась струны под
сердцем,
Напивалась пятнистыми лунами, что мелькали, как титры
в картинах.

Ты ходил по слезам моим свежим, как по полю, по маковым
листьям,
А вокруг улыбались, как прежде, эталоном бумажные лица.

И тоской закупорились поры, не давая вчерашнему выжить,
Научилась стрелять я «навылет», чтобы память вдыхала свободу.

«Пьянея днями черёмуховой пыли...»

Пьянея днями черёмуховой пыли,
я прячу в холоде ночей свою усталость,
и до сих пор я временем ранима,
в котором душит вдох, чтоб не мечталось.

А в душу смотрят рваные закаты,
собой тревожа часто мой покой,
и медленно в ладонях умирает
растраченная нежность не с тобой.

Я выжигаю твоё имя акварелью
на зеркалах – в них только «настоящее»,
рисую в мыслях векторы движения,
чтоб стать одним лишь сном твоим —
скользящим...

Не умирая быстротечно

...Я не мечтала быть во снах
твоим случайным тихим ветром,
пока весна бежит от снега,
пригревшись в наших рукавах,
и не прощаю себе вольность
желать тебя и странно мыслить,
пока в запястьях пульс не умер
с парадоксальным сбоем ритма.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.